

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Тулебаева К. Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий Шакарима Кудайбердыева и тюркского мира. Язык и общество. №1 (47). 2018. - с. 34-41.
- 2 Слямов А. История и образование. Сборник научных статей. Семей «Интеллект» 2010. – 326 с.
- 3 Yildirim S., Topay M.. (2022) Perception of Turks and Common Ancestor in Kazakh Genealogy. Bilig, № 100. -P. 37-58. <https://doi.org/10.12995/bilig.10002>
- 4 Saltakova Zh., Önal M., Albekov T. Türk halklarının şecerecilik geleneği ya da millî bellek [Turkic People's Custom of Genealogical Method of Storytelling or National Memory] Millî Folklor, 2021, Yıl 33, Cilt 17, Sayı 130
- 5 Reichl, Karl. Ritual Language Behaviour. "Ritual Aspects of the Performance of Epic". Journal Historical Pragmatics Special Issue, Amstredam: John Benjamins Publishing Company, Vol. 4. №2, 2003. P. 249.
- 6 Uansina Jan. Oral Tradition as History. London: James Currey, 2021.
- 7 Кудайбердиев Ш. Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий. Факсимиле и показатели, составленные Ж.О. Артыкбаевым. Астана «Фолиант» 2007, с. 384.
- 8 Алдамбергенова Г.Т., Панзабек Б.Т. Место герменевтического метода в литературоведении. Вестник Казахского государственного женского педагогического университета № 3 (75), 2018. с. 82-86.
- 9 Мухаметханов К. Шакарим // Многотомное собрание сочинений. Том 3.- Алматы: Алаш, 2005. – с. 267-316.
- 10 Шакаримулы А. Мой отец – сын народа Шакарим. Энциклопедия личности Шакарима. - Семей: Тенгри, 2008. с. 864.
- 11 Проблемы Шакаримоведения. Серийный научный сборник. Том I, (составитель Т. Шанбай) - Семей-Новосибирск, «Таллер –Пресс», 2006, с. 440.
- 12 Зекенулы К. Генеалогия Шакарима – основа наших корней. <https://abaialemi.kz/post/view?id=1158>.

Материал поступил в редакцию журнала 17.09.2025

МРНТИ 16.21.33

DOI: [10.59102/kufil/2025/iss4pp177-191](https://doi.org/10.59102/kufil/2025/iss4pp177-191)

Я.В. Зубенко¹, Л.А. Нефедова²

¹Костанайский региональный университет имени А. Байтұрсынұлы, Костанай, 110000, Республика Казахстан

²Челябинский государственный университет, Челябинск, 454001, Россия

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СТРАТЕГИИ ДИСТАНЦИРОВАНИЯ В ЖЕНСКОМ НАРРАТИВЕ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКО- И РУССКОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ)

Исследование посвящено анализу стратегии дистанцирования в женском нарративе на примере немецко- и русскоязычной литературы. Эта стратегия играет ключевую роль в формировании авторского голоса, осмыслении социальных норм и взаимодействии с читателем. Цель работы заключается в изучении прагматического аспекта стратегии дистанцирования, выявлении ее функциональной роли в передаче авторского замысла и особенностей использования в различных лингвокультурных контекстах. Основные задачи включают определение понятий «женский нарратив» и «стратегия дистанцирования»,

анализ языковых способов их реализации и выявление культурных особенностей. Исследование имеет как научную, так и практическую значимость, расширяя понимание гендерных аспектов нарративной литературы и углубляя знание о механизмах женского опыта в литературе. В работе применены лингвокультурологический, прагматический и сравнительно-сопоставительный подходы, а также методы интерпретации, дискурс- и стилистического анализа, что обеспечило всесторонний подход к исследованию. Основные результаты демонстрируют, что стратегия дистанцирования в немецкоязычной литературе акцентирует рационализацию и символизм, в то время как русскоязычные тексты насыщены эмоциональными конструкциями и отрицаниями. Также выявлено, что оба типа нарративов используют стратегию дистанцирования для отражения внутреннего конфликта и осмысления коллективных норм. Кроме того, исследование показало, что стратегия дистанцирования способствует деконструкции традиционных гендерных ролей, создавая пространство для новой интерпретации женского опыта. Однако в обоих случаях прагматическая цель стратегии заключается в активизации интерпретации текста и разрушении стереотипов. Ценность исследования выражается в его вкладе в изучение гендерной лингвокультуры, демонстрации роли дистанцирования в формировании уникальных авторских позиций и влиянии на восприятие читателя. Практическое значение работы состоит в возможности применения ее результатов для анализа художественных текстов, разработки курсов по гендерной лингвистике, межкультурной коммуникации и для более глубокого понимания механизмов работы с эмоциональными переживаниями.

Ключевые слова: нарратив, женский нарратив, прагматика, стратегия дистанцирования, лингвокультура.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Прагматика понимается как осознанный выбор автором стратегии, создающей дистанцию между персонажем, событиями и читателем. Это проявляется через внутреннюю рефлексивность, что формирует многослойность восприятия текста. Такие стратегии позволяют управлять восприятием читателя, направляя его внимание на ключевые аспекты сюжета.

Немецкая литература акцентирует индивидуализм и когнитивное дистанцирование, где героини анализируют события, оставаясь эмоционально отстраненными. Русская традиция связана с коллективизмом, что выражается в эмоциональном дистанцировании для соблюдения социальных норм. Эти различия обусловлены историческими и культурными контекстами, влияющими на восприятие женской роли в обществе.

Эмоциональное дистанцирование сдерживает сильные переживания, обеспечивая контроль над ситуацией, когнитивное – анализирует события, избегая прямого участия. Эстетическое дистанцирование создает символическую дистанцию между персонажем и читателем, углубляя восприятие произведения. Все три типа объединяет их прагматическая цель – активизировать интерпретацию текста и стимулировать глубокое осмысление роли женщины в нарративе.

Опора на теоретические труды отечественных и зарубежных исследователей позволяет уточнить подходы к анализу дистанцирования в женском нарративе. В частности, А.М. Жакулаев, С.У. Такиров и Л.И. Мингазова (2023) рассматривают нарратив как структуру, в которой соотносятся личное и историческое, а дистанцирование становится способом включения женского опыта в более широкий социокультурный дискурс. А.С. Ратохина и А.В. Ленец (2017) выделяют прагматический характер стратегий дистанцирования и указывают на их языковую репрезентацию через модальность и оценочные конструкции. А.Д. Круглик (2021; 2022) уточняет лексико-грамматические средства, способствующие формированию дистанции в нарративе, подчеркивая их значение в создании эффекта отстранения. Зарубежные исследования, такие как работа В. Entzminger (1995), посвящены

эмоциональной дистанции как способу художественного оформления женской субъектности. D.G. Nirwinastu (2021) и M. Gustavsson (2024) дополняют эти подходы, анализируя, как дистанцирование позволяет женщинам выстраивать нарративную идентичность в условиях давления и социальной предвзятости. В исследовании Ju. Zhao (2021) подчеркивается значение прагматического дистанцирования в академическом письме как инструмента, формирующего авторскую позицию и объективность высказывания, что актуально и для литературных текстов с женской перспективой. В свою очередь, обзор D. Andoko и др. (2024) демонстрирует, как стратегии дистанцирования реализуются в нарративах женщин, действующих в мужских профессиональных пространствах, где дистанция становится механизмом защиты и самопрезентации. Формулируется междисциплинарный и межкультурный подход к интерпретации женского нарратива сквозь призму прагматических стратегий дистанцирования, отражающий взаимосвязь культурных, социологических и лингвистических факторов.

ВВЕДЕНИЕ

Исследование гендерных аспектов художественного нарратива занимает важное место в современной гуманитарной науке, отражая стремление понять механизмы конструирования женского опыта и его интерпретации в литературе. Женская литература, будучи значимой частью культурного дискурса, предоставляет богатый материал для анализа стратегий, направленных на выражение субъективности, осмысление социальных норм и создание эмоционального взаимодействия с читателем. Одной из таких стратегий является дистанцирование, которое играет ключевую роль в формировании уникального авторского взгляда и создании особой коммуникативной дистанции между текстом и читателем.

Особый интерес вызывает прагматический аспект стратегии дистанцирования, включающий в себя выбор языковых средств, структурирование текста и формирование нарративного голоса. Эта стратегия, с одной стороны, позволяет авторам выразить критическую позицию по отношению к культурным и социальным реалиям, а с другой – формирует сложные формы взаимодействия с читателем, стимулируя его рефлексивное восприятие. Анализ немецко- и русскоязычных художественных произведений женских авторов предоставляет уникальную возможность выявить как универсальные черты, так и культурно обусловленные особенности использования дистанцирования.

Цель данного исследования – изучение прагматического аспекта стратегии дистанцирования в женском нарративе на примере немецко- и русскоязычных произведений. Исследование направлено на выявление функциональной роли этой стратегии в передаче авторского замысла и определение ее особенностей в различных лингвокультурных контекстах.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие задачи:

1. Дать дефиниции понятий «женский нарратив» и «стратегия дистанцирования».
2. Определить и сопоставить языковые способы реализации стратегии дистанцирования.
3. Выявить типы стратегии дистанцирования и установить специфику их использования на материале немецко- и русскоязычной художественной литературы.

Объектом исследования является женский нарратив в художественных произведениях немецких и русских авторов.

В качестве предмета изучения рассматривается прагматический аспект стратегии дистанцирования в женском нарративе.

Гипотезой исследования выступает предположение о том, что стратегия дистанцирования, проявляющаяся через языковые и структурные особенности текста, играет ключевую роль в передаче авторской рефлексии и культурно обусловленного восприятия женского опыта.

Научная новизна работы заключается в выявлении культурных и лингвистических особенностей реализации стратегии дистанцирования, что позволяет углубить понимание прагматических механизмов формирования женского нарратива в литературе. Познавательная значимость исследования состоит в его вкладе в развитие междисциплинарных подходов к изучению гендерной лингвокультуры, а также в создании базы для дальнейших сравнительных исследований.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Нарратив – это воссоздаваемая неким лицом история из прошлого, которую возможно рассматривать в рамках исторического дискурса [1, 112]. Нарратив представляет собой привычную для человека форму передачи и сохранения знаний об окружающем мире, являясь одновременно простой речевой формой и очевидным инструментом для реализации коммуникативных намерений.

Женский нарратив является формой репрезентации феминного нарратора, повествующего об упорядоченных реальных или вымышленных событиях, существенных для женской модели восприятия окружающей действительности [2, 65].

Женский нарратив, как особая форма повествования, предполагает взаимодействие между феминным нарратором и адресатом, что требует учета особенностей коммуникативной стратегии. В этом контексте важным аспектом становится использование стратегии дистанцирования, направленной на сохранение границ между участниками общения.

Стратегия дистанцирования – это своего рода коммуникативная тактика, направленная на выражение и поддержание эмоциональной, социально-психологической или ролевой дистанции между коммуникантами. Она реализуется посредством выбора языковых средств, таких как использование нейтральной или формальной лексики, избегание прямого контакта, структурирование высказывания таким образом, чтобы минимизировать вовлеченность говорящего в ситуацию. Эта стратегия позволяет говорящему сохранять границы взаимодействия, подчеркивать автономность и контролировать влияние на адресата.

Стратегия дистанцирования выступает как значимый элемент, помогающий женщинам формировать и защищать свою идентичность в различных контекстах – художественном, профессиональном и социальном.

А. С. Ратохина и А. В. Ленец утверждают, что стратегия дистанцирования ориентирована на собеседника и акцентирует внимание на сохранении существующих границ между коммуникантами, подчеркивая наличие дистанции. Часто отстранение ассоциируется с негативной оценкой и пейоративной коннотацией, поскольку говорящий стремится не только выразить свое отношение к предмету высказывания, но и повлиять на восприятие адресата, подбирая для этого соответствующие лексические и грамматические средства [3, 139]. Категория модальности также выступает важным языковым инструментом для реализации стратегии дистанцирования в межличностной коммуникации, особенно в художественной литературе. Лингвистические средства, такие как модальные глаголы, наречия и структурные особенности высказывания, используются авторами для создания эмоциональной или психологической дистанции между персонажами, а также для передачи их отношений и внутреннего состояния [4, 417; 5, 495].

Дистанцирование в художественных текстах выступает как средство выражения внутреннего конфликта и протеста против угнетения женщин. Стратегия является лингвистическим и психологическим механизмом, позволяющим женщинам осмысленно отстраняться от ситуаций, вызывающих чувство уязвимости, что помогает им выразить несогласие с социальными нормами [6, 73; 7, 453]. Стратегии прагматического дистанцирования используются в письме. Особое внимание уделяется тому, как выбор лексических и грамматических средств помогает создать дистанцию между автором и читателем, демонстрируя формальность, объективность или уважение в межкультурной коммуникации [8, 79].

Дистанцирование, как стратегия коммуникации, активно исследуется в контексте гендерных аспектов и может рассматриваться как инструмент управления социальными взаимодействиями в профессиональной среде. Данная стратегия позволяет демонстрировать женщинам независимость и компетентность, избегая чрезмерной эмоциональной вовлеченности, что часто воспринимается как «традиционно женская» черта [9, 8; 10, 4].

Современная феминистская критика активно развивается благодаря деятельности женщин, которые вносят значительный вклад в продвижение гендерного равенства через литературу, интернет-активизм и инициативы, поддерживающие женские голоса. Их работа не только переосмысливает фемининность, но и способствует осмысленному дистанцированию от устаревших гендерных стереотипов, поддерживая четвертую волну феминизма и подчеркивая многообразие женского опыта и их роль в общественной жизни [11].

В этом контексте актуально исследование литературных произведений, которые отражают разнообразие женских перспектив и опытов. Для анализа были использованы два современных литературных текста, созданных русско- и немецкоязычными писательницами в начале XXI века. Отбор произведений основывался на следующих критериях:

1. Произведения отражают стремление авторов ретроспективно осмыслить собственное внутреннее состояние, учитывая жизненные обстоятельства, исторический контекст и влияние культурной среды. Это позволяет оценивать реальность с субъективной позиции, передавая мысли и переживания через литературное творчество.
2. Учитывались временные рамки создания произведений (от начала XXI века до настоящего времени), тематика (освещение значимых жизненных ситуаций, анализ отношений между поколениями, гендерные взаимодействия).
3. Литературные тексты принадлежат женщинам-писательницам, создающим на русском и немецком языках.

В результате были отобраны следующие художественные произведения: N. Pollatschek „Das Unglück anderer Leute“, 2018; М. Трауб «Бедабеда», 2019.

В исследовании, наряду с общенаучными методами, использовался ряд специальных подходов:

- лингвистическое моделирование (применялось для анализа коммуникационных процессов в литературных произведениях и выявления языковых особенностей женского нарратива на уровнях синтаксиса, лексики и стиля);
- лингвокультурологический анализ (применялся для изучения текста нарратива как культурного феномена, с акцентом на выявление культурных смыслов, заложенных в языковых знаках и текстах в целом);
- метод интерпретации (использовался для раскрытия внутреннего содержания художественных текстов немецко- и русскоязычных авторов).

Дополнительно были задействованы методы дискурс-анализа и стилистического анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В данном исследовании проанализированы стратегии дистанцирования, применяемые русскоязычными и немецкоязычными нарраторами в художественных текстах. Особое внимание уделено лексическим, грамматическим и стилистическим средствам, которые используются для создания эмоционального отчуждения, осмысления личного опыта и формирования критической дистанции к социальным стереотипам и собственному прошлому.

Для нарратива немецкоязычного нарратора свойственно:

1. Символизм и метафоры: Дистанцирование в немецкоязычных текстах проявляется через метафорические образы, такие как «*die Matriarchin – матриарх*» и «*die Marionetten –*

марионетки», которые подчеркивают власть и контроль в семейных отношениях. Использование этих символов усиливает эмоциональное отчуждение нарратора от матери и других участников описываемой ситуации [12, 1112, 1114].

2. Рационализация эмоций: Фразы, такие как «*O.k., nein, offenbar nicht – Хорошо, нет, очевидно, что нет*», демонстрируют внутренний диалог, в котором логика преодолевает эмоциональный импульс. Этот прием позволяет нарратору дистанцироваться от гипотетических размышлений и сосредоточиться на аналитическом осмыслении прошлого.

3. Амбивалентность эмоций: Эпитеты, например, «*seltsam wohlwollend – странным образом благожелательно*», отражают сложное отношение к воспоминаниям, усиливая эффект дистанцирования. Такой подход подчеркивает умозрительность и рациональность восприятия прошлого, избегая эмоционального погружения.

Для нарратива русскоязычного нарратора характерно:

1. Эмоциональное отчуждение: Русскоязычный нарратив демонстрирует использование лексического повтора отрицания, такого как «*ничего не*», что подчеркивает крайность эмоционального состояния нарратора и создает эффект отчуждения от собственного опыта. Повторяющиеся конструкции, например, «*ничего не знаю, ничего не умею*», акцентируют ощущение беспомощности и полного обесценивания прежних достижений. Такие приемы усиливают восприятие предельной ситуации и формируют барьер между прошлым и настоящим.

2. Дистанцирование от социальных стереотипов: Отрицание социальных ролей, например, стереотипного образа матери, достигается с помощью саркастических и гиперболизированных высказываний, таких как «*улыбаться как дурочка*». Экспрессивная лексика и резкие отрицания подчеркивают противопоставление нарратора навязанным социальным ожиданиям. Риторические вопросы и отрицательные конструкции формируют непреодолимую границу между нарратором и стереотипной социальной ролью.

3. Рационализация и самоирония: Элементы рационализации проявляются через использование конструкций, таких как «*уж прости*», которые формально смягчают тон высказывания, но в контексте текста усиливают ироничную интонацию. Это демонстрирует независимость автора и его способность критически оценивать традиционные социальные установки.

Полученные результаты подтверждают, что стратегия дистанцирования играет ключевую роль в осмыслении нарраторами личного опыта и в отвержении социальных стереотипов. В обоих языковых контекстах выявлены сходные приемы, такие как использование отрицаний, рационализация и эмоционально заряженная лексика. Однако немецкоязычные тексты чаще демонстрируют рационализированное дистанцирование, тогда как русскоязычные нарративы акцентируют экспрессивность и эмоциональную насыщенность.

Результаты исследования могут быть использованы для анализа художественных текстов с целью более глубокого понимания механизмов работы с эмоциональными переживаниями и их выражения. Выявленные приемы дистанцирования также представляют интерес для изучения кросскультурных различий в восприятии и осмыслении прошлого.

Перспективы дальнейших исследований включают анализ стратегии дистанцирования в других культурно-языковых контекстах, а также в различных литературных жанрах и медиа. Это позволит оценить универсальность и адаптивность данного явления, а также его влияние на восприятие текста аудиторией.

ОБСУЖДЕНИЕ

Немецкоязычный нарратор, используя стратегию дистанцирования, демонстрирует эмоциональное отчуждение от матери и ее поведения, описывая ситуацию с критической точки зрения: *Sie macht das, weil sie nur so beweisen kann, dass sie **die Matriarchin** und wir ihre*

Marionetten sind [13, 11] – Она делает это, потому что только так может доказать, что она – *matriarx*, а мы – *ее marionetten* (здесь и далее перевод наш – Я.З.).

Нарратор описывает действия матери, которые направлены на утверждение ее доминирующей позиции в семье. Слова *die Matriarchin* – *matriarx* и *die Marionetten* – *marionetten* символизируют власть и контроль, которые мать стремится поддерживать [12, 1112, 1114].

В данном примере дистанцирование проявляется через несколько лингвистических и содержательных элементов. Использование личных местоимений «*sie*» (она) и «*wir*» (мы) четко отделяет субъект (представительницу матриархата) от коллектива, к которому относится нарратор. Это создает эффект дистанцирования, где он не идентифицирует себя с «ней», то есть с матриархом. В данном случае дистанцирование заключается в противопоставлении «она» (авторитарная фигура) и «мы» (подчиненные).

Употребление метафоры «*Marionetten* – *marionetten*» является важным инструментом создания дистанции. Нарратор использует метафору, чтобы подчеркнуть отсутствие автономии у «нас». Мы (включая нарратора) представлены как пассивные объекты, которыми управляет матриарх. Это не только усиливает дистанцию между «ней» и «нами», но и выражает эмоциональное отчуждение, унижая коллектив и превращая его в безвольных исполнителей чужой воли.

Придаточное предложение «*weil sie nur so beweisen kann*» объясняет мотив действий матриарха. Это показывает, что ее действия рассматриваются с аналитической и холодной точки зрения, как нечто предопределенное, что еще больше подчеркивает дистанцирование. Нарратор наблюдает за ее действиями со стороны и рассуждает о ее мотивах, что указывает на рациональное дистанцированное восприятие ситуации.

Фраза «*nur so beweisen kann*» отражает прагматичную мотивацию матриарха, что усиливает отчужденное восприятие ее действий. Она не действует из личной привязанности или эмоций, а лишь ради демонстрации своей власти, что увеличивает дистанцию между ней и остальными персонажами, включая нарратора.

В совокупности эти элементы создают четкую границу между субъектом действия (матриарх) и объектами (нарратор и его коллектив), усиливая эффект дистанцирования.

Следующий пример демонстрирует использование стратегии дистанцирования, выраженной через рационализацию, символизм и амбивалентность эмоций: *O.k., nein, offenbar nicht; kontrafaktische Fragen führen doch zu nichts, dachte ich. Ich schloss das Fotoalbum mit den Kindheitserinnerungen in meinem Kopf seltsam wohlwollend* [13, 17] – Хорошо, нет, очевидно, что нет; контрафактические вопросы ведь ни к чему не приводят, подумала я. Я закрыла фотоальбом с воспоминаниями о детстве в своей голове странным образом благожелательно.

Нарратор использует фразу «*O.k., nein, offenbar nicht*» (Хорошо, нет, очевидно, что нет) как средство, подчеркивающее характер внутреннего диалога. Эта конструкция выполняет несколько ключевых функций в тексте, способствуя созданию многослойного нарратива.

Высказывание построено так, чтобы передать процесс обдумывания и отказа от гипотетических размышлений. Нарратор сначала допускает возможность («*O.k.*»), затем отрицает ее («*nein*») и, наконец, приходит к окончательному выводу («*offenbar nicht*»). Эта последовательность отражает динамику внутреннего монолога, в котором логика преодолевает эмоциональный импульс. Такой прием позволяет автору показать, как нарратор постепенно дистанцируется от навязчивых мыслей, упорядочивая свои переживания.

Использование кратких фраз создает эффект разговорного, неформального стиля. Однако этот стиль, вместо того чтобы сближать читателя с нарратором, служит для усиления эмоциональной отстраненности. Нарратор словно ведет диалог сам с собой, но делает это с позиции наблюдателя, анализирующего свои реакции, а не участника, активно переживающего свои эмоции. Такая подача усиливает стратегию дистанцирования, отстраняя нарратора от непосредственных эмоциональных переживаний.

Рационализация проявляется в утверждении «*kontrafaktische Fragenführen doch zu nichts* – *контрафактические вопросы ведь ни к чему не приводят*» – нарратор осознанно отвергает гипотетические размышления о прошлом, которые могли бы вызвать эмоциональный отклик. Эта позиция демонстрирует интеллектуализированный подход к обработке воспоминаний, позволяющий дистанцироваться от их эмоционального содержания.

Символизм, в свою очередь, играет важную роль в формировании дистанции. Закрывание фотоальбома с воспоминаниями о детстве в своей голове (*Ich schloss das Fotoalbum mit den Kindheitserinnerungen in meinem Kopf*) является метафорой завершения эмоционального контакта с прошлым. Этот жест, однако, представлен как действие, происходящее исключительно в сознании, что подчеркивает его умозрительный характер. Использование символического образа фотоальбома позволяет нарратору избежать непосредственного столкновения с эмоциональной реальностью воспоминаний, сместив акцент на их формальную, условно завершенную природу.

Амбивалентность эмоций добавляет дополнительный слой дистанции. Эпитет «*seltsam wohlwollend* – *странным образом благожелательно*» подчеркивает разрыв между переживанием и его осмыслением. С одной стороны, нарратор испытывает положительное чувство по отношению к своим воспоминаниям, но, с другой стороны, эта эмоция осознается как необычная и даже непривычная, что усиливает ощущение отстраненности.

Таким образом, анализируемый текст демонстрирует сложную работу стратегии дистанцирования, основанную на рациональном осмыслении воспоминаний, их символическом завершении и осознанной амбивалентности. Это позволяет нарратору сохранять внутреннюю стабильность, избегая глубокого эмоционального погружения в воспоминания и гипотетические сценарии, которые, по его мнению, не имеют практической ценности.

Русскоязычный нарратор иллюстрирует стратегию дистанцирования через описание личного опыта и внутренних переживаний, связанных с осознанием своих ограничений и неосуществленных желаний: *Для меня было тяжело принять, что я не стану, например, олимпийской чемпионкой, и в восемнадцать лет осознать, что я ничего не знаю, ничего не умею, кроме как мячик бросать. Я переживала* [14].

Нарратор ретроспективно анализирует свои чувства и размышления о прошлом, что позволяет читателю глубже понять его эмоциональное состояние и процесс принятия реальности. В предложенном примере стратегия дистанцирования реализуется через лексический повтор «*ничего не*», состоящий из местоимения в отрицательной форме и частицы «*не*», используемой для выражения отрицания. Форма отрицания «*ничего не*» служит для создания эффекта отчуждения от собственных возможностей и способностей и выражения полного отрицания знаний или навыков за пределами одной конкретной деятельности – умения бросать мяч. Это усиливает восприятие предельной ситуации, подчеркивая крайность эмоционального состояния говорящего и его ощущение беспомощности.

Повторяющееся отрицание «*ничего не (знаю), ничего не (умею)*» в данном контексте представляет собой проявление самоуничижения, через которое нарратор дистанцируется от своего прошлого опыта, сводя его значение к нулю. Это является показателем того, что он осознанно обесценивает свои прежние достижения, наблюдая за ними словно со стороны, что усиливает эффект дистанцирования. Нарратор отвергает собственную личную историю, что позволяет ему взглянуть на себя отстраненно и критически. Данная фраза также выполняет функцию создания эмоциональной дистанции между повествователем и его прежними амбициями. Через ее использование нарратор подчеркивает разрыв между ожиданиями (в данном случае, стать олимпийской чемпионкой) и реальностью (осознание ограниченности своих навыков), что формирует барьер между прошлым и настоящим.

Конструкция «*ничего не*» становится выразительным инструментом дистанцирования, способствующим акцентуации внутреннего кризиса и эмоционального смещения фокуса на ощущение утраты значимости прошлого опыта и служит маркером дистанцирования, что

позволяет субъекту не только вербализировать свое разочарование, но и выстроить барьер между собой и своим прежним «я», обостряя восприятие эмоционального кризиса и потери.

Использование глагола «*переживать*» в значении «беспокоиться, волноваться, страдать» указывает на эмоциональную боль и стресс, которые испытывал нарратор в связи с этим осознанием. Данный глагол относится к группе глаголов, демонстрирующих эмоциональное или психическое состояние и обозначающих процесс или продолжительное состояние, которое происходит или развивается со временем.

Наречие «*тяжело*» в данном контексте указывает на эмоциональную или психологическую трудность восприятия ситуации. Оно описывает, насколько сложно нарратору справиться с определенной мыслью или фактом.

В данном отрывке нарратор обращается к своему прошлому, анализируя свои эмоции и мысли, что позволяет читателю лучше понять его внутренний мир и процесс принятия изменений в жизни.

Следующий пример демонстрирует эмоциональные и социальные дистанции от типичных стереотипов о материнстве: *Я не хочу считаться «мамочкой». Бесит, когда меня так называют. Не хочу гулять с коляской и улыбаться как дурочка, слушая, как кто-то рассказывает про какашки зеленого цвета. У меня, уж прости, все в порядке с психикой. И я не собираюсь плакать над песней из мультфильма про мамонтенка «Пусть мама услышит, пусть мама придет...». Что ты еще мне можешь сказать? Про пресловутую пуповину? Не выйдет* [14].

Одним из ключевых инструментов дистанцирования являются лексические маркеры, несущие эмоционально негативную окраску. Слова и выражения такие как «*бесит*», «*дурочка*», «*какашки зеленого цвета*» создают отталкивающий эффект, демонстрируя активное неприятие определенного социального поведения. Такая экспрессивная лексика усиливает эмоциональное напряжение текста и подчеркивает резкость позиции нарратора.

Не менее важным приемом выступает сарказм и ирония, которые позволяют нарратору деконструировать навязанные стереотипы. Например, гиперболизированное описание прогулок с коляской («*улыбаться как дурочка*») или эмоциональной реакции на песню из мультфильма («*Пусть мама услышит, пусть мама придет...*») наделено ироничным оттенком. Саркастические замечания акцентируют отказ нарратора ассоциировать себя с типичным образом матери, который, по его мнению, выглядит преувеличенно эмоциональным и стереотипным.

Риторические вопросы и отрицающие конструкции играют важную роль в формировании дистанции. Фразы вроде «*Что ты еще мне можешь сказать?*» или «*Не хочу считаться „мамочкой“*» не только предполагают гипотетическую реакцию аудитории, но и сразу отвергают ее. Серия отрицаний («*не хочу*», «*не собираюсь*», «*не выйдет*») выстраивает четкую границу между нарратором и обсуждаемым образом, делая дистанцию практически непреодолимой.

Особое место занимает апелляция к рациональности. Утверждение «*У меня, уж прости, все в порядке с психикой*» подчеркивает осознанность и нормальность нарратора в противопоставление гиперэмоциональному поведению, которое он считает чуждым. Это позволяет усилить контраст между нарратором и общепринятым образом «идеальной матери», подразумевающим безоговорочную эмоциональную вовлеченность.

Фраза «*уж прости*» в данном контексте выполняет функцию ироничного смягчения высказывания, но по своей сути она не столько смягчает тон, сколько усиливает саркастическую интонацию. Нарратор формально извиняется перед собеседником или обществом, но делает это явно неискренне, подчеркивая своей риторической конструкцией независимость и противопоставление общественным ожиданиям.

Выражение «уж прости» работает как средство создания дистанции, усиливая разрыв между нарратором и теми, кто разделяет навязанные стереотипы. Оно помогает акцентировать различие во взглядах, делая это с долей самоиронии и становится не только

частью ироничного стиля текста, но и важным элементом дистанцирования, подчеркивающим независимость автора и его рациональный подход.

Эмоциональная насыщенность текста достигается благодаря использованию экспрессивных конструкций. Включение культурных отсылок, таких как песня про мамонтенка, выступает инструментом для подчеркивания абсурдности традиционных ожиданий. Нарратор создает образ рационального человека, не принимающего навязанных социальных ролей.

Важным элементом стратегии дистанцирования является контраст между индивидуальным «я» и коллективным «они». Фраза «*Не хочу считаться „мамочкой“*» усиливает ощущение противостояния. Это противопоставление помогает нарратору сохранить личную идентичность, отделяя себя от стереотипного образа матери, поддерживаемого обществом.

Стратегия дистанцирования в данном примере проявляется через сочетание отрицаний, сарказма, гиперболы и экспрессивной лексики. Нарратор создает резкий разрыв между своим образом и стереотипной материнской ролью, выражая это через эмоционально заряженные конструкции и намеренно провокационную стилистику. Эти приемы позволяют не только подчеркнуть индивидуальность, но и бросить вызов традиционным социальным нормам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цели и задачи исследования были направлены на изучение стратегии дистанцирования в женском нарративе, а также выявление языковых, когнитивных и культурных механизмов, способствующих ее реализации в русско- и немецкоязычной литературе. Проведенный анализ позволил раскрыть особенности формирования дистанции как ключевого инструмента, отражающего индивидуальный опыт авторов, их социальные и культурные установки, а также способы взаимодействия с читателем.

Следует отметить, что выводы базируются на ограниченном корпусе примеров – тексты одного немецкоязычного и одного русскоязычного автора. Это придает исследованию определенную субъективность и отражает скорее авторское видение материала, чем позволяет делать универсальные обобщения о женском нарративе в целом. Поэтому результаты работы необходимо рассматривать как аналитические наблюдения, характерные именно для выбранных текстов, а не как общую закономерность для всех литературных традиций.

Методология, основанная на прагмалингвистическом и сравнительно-сопоставительном подходах, обеспечила всестороннее изучение структуры и функций дистанцирования, а также ее выражения через текстовые, стилистические и семантические приемы. На основании проведенного анализа можно выделить следующие результаты:

1. Специфика когнитивного дистанцирования в немецкоязычной литературе.

Для произведения, созданного немецкоязычным автором, характерно использование метафор, символизма и рационального анализа. Эти приемы позволяют нарраторам сохранять интеллектуальную дистанцию от событий, акцентируя внимание на процессе осмысления и интерпретации. Такой подход способствует формированию индивидуалистической позиции, где субъект стремится выделить личное восприятие через логический и структурированный взгляд на реальность.

2. Эмоциональное дистанцирование в русскоязычной литературе.

В тексте русскоязычного автора стратегия дистанцирования чаще выражается через эмоционально насыщенные конструкции, такие как отрицания, лексические повторы и самоуничижительные формы. Эти элементы не только передают внутренний конфликт, но и отражают коллективные нормы и культурные ожидания, усиливая взаимодействие между нарратором и социальной средой.

3. Объединяющая роль прагматического дистанцирования.

Как в русской, так и в немецкой литературе стратегия дистанцирования служит прагматическим инструментом, который направлен на активацию интерпретационной работы читателя. Через когнитивное, эмоциональное и эстетическое дистанцирование авторы стремятся подчеркнуть сложность женского опыта, разрушая устоявшиеся стереотипы и открывая пространство для новой, более глубокой рефлексии.

Результаты исследования подтвердили гипотезу о центральной роли дистанцирования в женском нарративе. Оно выполняет множество функций: от создания эмоционального и интеллектуального контраста до акцента на уникальности женского голоса в литературе. Этот инструмент не только углубляет восприятие текста, но и служит важным средством для выражения авторской позиции, культурной критики и деконструкции традиционных ролей.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение стратегий дистанцирования в художественных текстах других культур и языков. Это позволит расширить понимание универсальных и уникальных особенностей данного феномена. Практическое применение результатов работы возможно в разработке курсов по гендерной лингвистике, межкультурной коммуникации и литературоведению. Также результаты могут быть полезны для анализа текстов, связанных с гендерной тематикой, в образовательной и научной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Zhakulaev, A. M., Takirov, S. U., Mingazova, L. I. (2023) "Narrative and Historical Discourse" *Keruen*, no. 78(1), pp. 112-122. DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2023.1-10>
- 2 Зубенко Я. В. Функционально-прагматический аспект женского нарратива (на материале немецко- и русскоязычных художественных произведений): дис. ... канд. фил. наук. Челябинск, 2023. – 228 с.
- 3 Ратохина А. С., Ленец А. В. Лингвистическая репрезентация стратегии дистанцирования в коммуникативном поведении парламентариев Великобритании // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 2. – С. 138-141.
- 4 Круглик А. Д. Модальность как средство реализации стратегии дистанцирования в межличностной коммуникации // *Международные отношения: история, теория, практика: материалы XI науч.-практ. конф. молодых ученых фак. междунар. отношений Белорус. гос. ун-та*. – Минск: БГУ, 2021. – С. 417-421.
- 5 Круглик А. Д. Лексические и грамматические средства реализации стратегии дистанцирования в романе А. Мердок «Время ангелов» // *Международные отношения: история, теория, практика: материалы XII науч.-практ. конф. молодых ученых фак. междунар. отношений Белорус. гос. ун-та*. – Минск: БГУ, 2022. – С. 495-499.
- 6 Entzminger, B. (1995) "Emotional Distance as Narrative Strategy in Elizabeth Spencer's Fiction", *The Mississippi Quarterly. The Johns Hopkins University Press*, vol. 49, no. 1, pp. 73-87.
- 7 Nirwinastu, D. G. (2021) "Oppression towards Women as depicted in Marge Piercy's Selected Poems", *Journal of Language and Literature*, vol. 21, no. 2, pp. 453-463. DOI: 10.24071/joll.v21i2.3722.
- 8 Zhao, Ju. (2021) "Strategies of Pragmatic Distance Employed in English Writing by Chinese College Students" *Journal of South Asian Studies*, no. 9(2), pp. 79-84. DOI: 10.33687/jsas.009.02.3332
- 9 Andoko, D., Nurisnaeny, P. S., Wicaksono, P. and Isma, W. (2024) "Women in Intelligence: A Dynamic and Integrative Literature Review" *Gender Issues*, no. 41(3), pp. 1-22. DOI:10.1007/s12147-024-09331-x.
- 10 Gustavsson, M. (2024) "Fishing businesses, women's entrepreneurship, and the performance of femininity" *Journal of Rural Studies*, no. 108, pp. 1-9. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2024.103305.
- 11 Forbes Woman (2024), available at: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/491078-bor-ba-s-domogatel-stvami-i-samoironia-kak-zensiny-dobivalis-ravnopravia-v-xxi-veke> (Accessed 05.12.2024)

12 Duden. Deutsches Universalwörterbuch: Das umfassende Bedeutungswörterbuch der deutschen Gegenwartssprache“. 9. überarb. Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2019. 2144 s.

13 Pollatschek N. (2018) *Das Unglück anderer Leute*. München: Goldmann Verlag.

14 Трауб М. *Бедабеда* [Электрон. ресурс]. – 2019. – URL: http://loveread.ec/view_global.php?id=83314 (дата обращения: 08.12.2024)

Материал поступил в редакцию журнала 24.09.2025

Прагматикалық аспект стратегиясын дистанцирования әйелдер нарративе (мысалы, неміс және орыс тілді көркем шығармалар)

Я.В. Зубенко¹, Л.А. Нефедова²

¹А. Байтұрсынұлы атындағы Қостанай өңірлік университеті, Қостанай, 110000, Қазақстан

²Челябі мемлекеттік университеті, Челябин, 454001, Ресей

Зерттеу неміс және орыс тілді әдебиеттер мысалында әйелдер әңгімесіндегі қашықтық стратегиясын талдауға арналған. Бұл стратегия авторлық дауысты қалыптастыруда, әлеуметтік нормаларды түсінуде және оқырманмен қарым-қатынаста шеуші рөл атқарады. Жұмыстың мақсаты-қашықтық стратегиясының прагматикалық аспектісін зерттеу, оның авторлық ниетті жеткізудегі функционалдық рөлін және әртүрлі лингвомәдени контексттерде қолдану ерекшеліктерін анықтау. Негізгі міндеттерге "әйелдер әңгімесі" және "қашықтық стратегиясы" ұғымдарын анықтау, оларды жүзеге асырудың тілдік тәсілдерін талдау және мәдени ерекшеліктерді анықтау кіреді. Зерттеу ғылыми және практикалық маңыздылыққа ие, баяндау әдебиетінің гендерлік аспектілері туралы түсінікті кеңейтеді және әдебиеттегі әйелдер тәжірибесінің механизмдері туралы білімді тереңдетеді. Жұмыста лингвомәдени, прагматикалық және салыстырмалы-салыстырмалы тәсілдер, сондай – ақ зерттеуге жан-жақты көзқарасты қамтамасыз ететін интерпретация, дискурс және стилистикалық талдау әдістері қолданылды. Негізгі нәтижелер неміс тіліндегі әдебиеттегі алыстау стратегиясы рационализация мен символизмге баса назар аударатынын көрсетеді, ал орыс тіліндегі мәтіндер эмоционалды құрылымдар мен теріске шығаруларға толы. Сондай-ақ, әңгімелердің екі түрі де ішкі қатығыстарды көрсету және ұжымдық нормаларды түсіну үшін қашықтық стратегиясын қолданатыны анықталды. Сонымен қатар, зерттеу алыстату стратегиясы дәстүрлі гендерлік рөлдерді деконструкциялауға ықпал етіп, әйелдер тәжірибесін жаңа түсіндіру үшін кеңістік құратынын көрсетті. Алайда, екі жағдайда да Стратегияның прагматикалық мақсаты Мәтінді түсіндіруді жандандыру және стереотиптерді жою болып табылады. Зерттеудің құндылығы оның гендерлік лингвомәдениетті зерттеуге қосқан үлесі, бірегей авторлық позицияларды қалыптастырудағы қашықтықтың рөлін көрсету және оқырманның қабылдауына әсер етуінде көрінеді. Жұмыстың практикалық маңыздылығы оның нәтижелерін көркем мәтіндерді талдау, гендерлік лингвистика, мәдениетаралық коммуникация курстарын әзірлеу және эмоционалды тәжірибелермен жұмыс істеу механизмдерін тереңірек түсіну үшін қолдану мүмкіндігі болып табылады.

Кілт сөздер: әңгіме, әйелдер әңгімесі, прагматика, қашықтық стратегиясы, лингвомәдениет.

ӘДЕБИЕТТЕР ТІЗІМІ

- 1 Zhakulaev, A. M., Takirov, S. U., Mingazova, L. I. (2023) “Narrative and Historical Discourse” *Keruen*, no. 78(1), pp. 112-122. DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2023.1-10>
- 2 Зубенко Я. В. Әйелдер әңгімесінің функционалды-прагматикалық аспектісі (неміс және орыс тілді көркем шығармалар негізінде): дис. ... канд. ... фил. ғылымдар. Челябині, 2023. – 228 б.
- 3 Ратохина А. С., Ленец А. В. Ұлыбритания парламентшілерінің коммуникативті мінез-құлқындағы алшақтық стратегиясының лингвистикалық көрінісі // Филология ғылымдары. Теория және практика мәселелері. Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): 4 бөлікте 2-бөлім. – Б. 138-141.
- 4 Круглик А. Д. Модальдылық тұлғааралық қарым-қатынаста дистанциондық стратегияны жүзеге асыру құралы ретінде // Халықаралық қатынастар: тарих, теория, практика: XI ғылыми-практикалық материалдар. конф. жас ғалымдар факультеті. халықаралық Беларусь қатынастары. мемл. унив. – Минск: БМУ, 2021. – Б. 417-421.
- 5 Круглик А. Д. Мердоктың «Періштелер уақыты» романындағы дистанциялық стратегияны жүзеге асырудың лексикалық-грамматикалық құралдары // Халықаралық қатынастар: тарих, теория, практика: XII ғылыми-практикалық материалдар. конф. жас ғалымдар факультеті. халықаралық Беларусь қатынастары. мемл. унив. – Минск: БМУ, 2022. – Б. 495-499.
- 6 Entzminger, B. (1995) “Emotional Distance as Narrative Strategy in Elizabeth Spencer's Fiction”, *The Mississippi Quarterly. The Johns Hopkins University Press*, vol. 49, no. 1, pp. 73-87.
- 7 Nirwinastu, D. G. (2021) “Oppression towards Women as depicted in Marge Piercy’s Selected Poems”, *Journal of Language and Literature*, vol. 21, no. 2, pp. 453-463. DOI: 10.24071/joll.v21i2.3722.
- 8 Zhao, Ju. (2021) “Strategies of Pragmatic Distance Employed in English Writing by Chinese College Students” *Journal of South Asian Studies*, no. 9(2), pp. 79-84. DOI: 10.33687/jsas.009.02.3332
- 9 Andoko, D., Nurisnaeny, P. S., Wicaksono, P. and Isma, W. (2024) “Women in Intelligence: A Dynamic and Integrative Literature Review” *Gender Issues*, no. 41(3), pp. 1-22. DOI:10.1007/s12147-024-09331-x.
- 10 Gustavsson, M. (2024) “Fishing businesses, women’s entrepreneurship, and the performance of femininity” *Journal of Rural Studies*, no. 108, pp. 1-9. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2024.103305.
- 11 Forbes Woman (2024), available at: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/491078-bor-ba-s-domogatel-stvami-i-samoironia-kak-zensiny-dobivalis-ravnopravia-v-xxi-veke> (Accessed 05.12.2024)
- 12 Duden. Deutsches Universalwörterbuch: Das umfassende Bedeutungswörterbuch der deutschen Gegenwartssprache“. 9. überarb. Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2019. 2144 s.
- 13 Pollatschek N. (2018) *Das Unglück anderer Leute*. München: Goldmann Verlag.
- 14 Трауб М. *Бедабеда* [Электрон. ресурсы]. – 2019. – URL: http://loveread.ec/view_global.php?id=83314 (кіру күні: 12.08.2024)

Материал 24.09.2025 баспаға түсті

The pragmatic aspect of the distancing strategy in female narrative (on the example of german- and russian- works of fiction)

Ya. Zubenko¹, L. Nefedova²

¹A. Baitursynuly Kostanai Regional University, Kostanai, 110000, Kazakhstan

²Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, 454001, Russia

This study analyzes the use of distancing strategies in female narratives, focusing on German and Russian literature. Distancing strategies are crucial for shaping the authorial voice, understanding social norms, and engaging readers. The purpose of the research is to examine the pragmatic aspects of these strategies and identify their functional role in conveying the author's message, as well as their specific application in different linguistic and cultural contexts.

The study defines key concepts such as "female narratives" and "distancing strategies," analyzes linguistic methods of implementation, and explores cultural characteristics. Employing linguocultural, pragmalinguistic, and comparative approaches, along with interpretation, discourse, and stylistic analysis, the research provides a comprehensive examination of the topic.

The findings reveal that in German literature, distancing strategies emphasize rationalization and symbolism, while Russian texts rely more on emotional constructions and negations. In both contexts, these strategies are used to express internal conflict, reflect collective norms, and deconstruct traditional gender roles, creating space for new interpretations of female experiences. The pragmatic aim in both literatures is to enrich interpretation and challenge stereotypes.

The study contributes to gender linguocultural research by demonstrating the role of distancing strategies in shaping unique authorial perspectives and influencing reader perceptions. Practically, the findings can inform literary analysis, the development of courses on gender linguistics and intercultural communication, and the understanding of mechanisms underlying emotional experiences in narrative literature.

Key words: narrative, female narrative, pragmatics, distancing strategy, linguoculture.

REFERENCES

- 1 Zhakulaev, A. M., Takirov, S. U., Mingazova, L. I. (2023) "Narrative and Historical Discourse" Keruen, no. 78(1), pp. 112-122. DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2023.1-10>
- 2 Zubenko Ya. V. Funkcional'no-pragmaticheskij aspekt zhenskogo narrativa (na materiale nemecko- i russkoyazychnyh hudozhestvennyh proizvedenij) [Functional and pragmatic aspect of female narrative (on the example of German- and Russian works of fiction)]: dis. ... kand. fil. nauk [diss. cand. of phil. sciences]. Chelyabinsk, 228 (2023). [in Russian]
- 3 Ratochina A. S., Lenec A. V. Lingvisticheskaya reprezentaciya strategii distancirovaniya v kommunikativnom povedenii parlamentariev Velikobritanii [Linguistic representation of the distancing strategy in the communicative behavior of UK parliamentarians], Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Theoretical and practical issues]. Tambov: Gramota, 12(78): 4(2), 138-141 (2017). [in Russian]
- 4 Kruglik A. D. Modal'nost' kak sredstvo realizacii strategii distancirovaniya v mezhlichnostnoj kommunikacii [Modality as a means of implementing the distancing strategy in interpersonal communication], Mezhdunarodnye otnosheniya: istoriya, teoriya, praktika: materialy XI nauch.-prakt. konf. molodyh uchenykh fak. mezhdunar. otnoshenij Belorus. gos. un-ta [International relations: history, theory, practice: materials of the XI scientific-practical. conf. of young scientists of the faculty of international. relations of the Belarusian state university]. Minsk: BSU, 417-421 (2021). [in Russian]
- 5 Kruglik A. D. Leksicheskie i grammaticheskie sredstva realizacii strategii distancirovaniya v romane A. Merdok «Vremya angelov» [Lexical and grammatical means of implementing the distancing strategy in the novel "The Time of Angels" by I. Murdoch], Mezhdunarodnye otnosheniya: istoriya, teoriya, praktika: materialy XI nauch.-prakt. konf. molodyh uchenykh fak. mezhdunar. otnoshenij Belorus. gos. un-ta [International relations: history, theory, practice: materials of the XII scientific-practical. conf. of young scientists of the faculty of international. relations of the Belarusian state university]. Minsk: BSU, 495-499 (2022). [in Russian]
- 6 Entzminger, B. (1995) "Emotional Distance as Narrative Strategy in Elizabeth Spencer's Fiction", *The Mississippi Quarterly. The Johns Hopkins University Press*, vol. 49, no. 1, pp. 73-87.

- 7 Nirwinastu, D. G. (2021) "Oppression towards Women as depicted in Marge Piercy's Selected Poems", *Journal of Language and Literature*, vol. 21, no. 2, pp. 453-463. DOI: 10.24071/joll.v21i2.3722.
- 8 Zhao, Ju. (2021) "Strategies of Pragmatic Distance Employed in English Writing by Chinese College Students" *Journal of South Asian Studies*, no. 9(2), pp. 79-84. DOI: 10.33687/jsas.009.02.3332
- 9 Andoko, D., Nurisnaeny, P. S., Wicaksono, P. and Isma, W. (2024) "Women in Intelligence: A Dynamic and Integrative Literature Review" *Gender Issues*, no. 41(3), pp. 1-22. DOI:10.1007/s12147-024-09331-x.
- 10 Gustavsson, M. (2024) "Fishing businesses, women's entrepreneurship, and the performance of femininity" *Journal of Rural Studies*, no. 108, pp. 1-9. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2024.103305.
- 11 Forbes Woman (2024), available at: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/491078-bor-ba-s-domogatel-stvami-i-samoironia-kak-zensiny-dobivalis-ravnopravia-v-xxi-veke> (Accessed 05.12.2024)
- 12 Duden. Deutsches Universalwörterbuch: Das umfassende Bedeutungswörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. 9. überarb. Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2019. 2144 s.
- 13 Pollatschek N. (2018) *Das Unglück anderer Leute*. München: Goldmann Verlag. [in German]
- 14 Traub M. Bedabeda [Bedabeda] (2019). Available at: http://loveread.ec/view_global.php?id=83314 (accessed: 08.12.2024)

Received: 24.09.2025

МРНТИ 17.07.41

DOI: [10.59102/kufil/2025/iss4pp191-208](https://doi.org/10.59102/kufil/2025/iss4pp191-208)

Л.А. Крылова¹, А.Ж. Кадыров¹, С.В. Мисяченко¹, Е.И. Туровская²

¹Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева, Петропавловск, 150000, Казахстан

²Кокшетауский университет им. Ш. Уалиханова, Кокшетау, 020000, Казахстан

АРХЕТИП УСАДЕБНОГО САДА В ИДИОСТИЛЕ А.С. ПУШКИНА И Н.В. ГОГОЛЯ

Среди универсалий русской классической литературы сад занимает особое место. Писатели-классики создали целую галерею садов как полноправных героев произведений, куда вошли не только исторические дворцовые, но усадебные сады. В литературоведении образ сада в тексте художественного произведения представлен узко как тема, мотив, пейзаж. В таком контексте сад теряет свою специфику как уникального микромира, культурного архетипа, мирового символа духовных и нравственных ценностей, полноправного героя произведения. Чтобы постичь ценностно-смысловой мир сада, необходимо погрузиться в культуру его времени. Исследователи мало обращают внимание на садовую символику его цветов, деревьев и кустарников, а они входят в образную систему произведения и служат не только выражением авторской идеи, но и высвечивают характер и шкалу ценностей героев произведений. «Язык цветов и деревьев» и их символика является частью исторического быта русской дворянской культуры. Русская классика запечатлела на своих страницах сады разных европейских стилей. Что касается усадебных садов, то следует отметить, что они не были европейской копией, а зависели от вкуса и предпочтения владельцев сада. В статье проанализировано 7 садов в произведениях А.С. Пушкина «Капитанская дочка», «Евгений Онегин», «Дубровский» и Н.В. Гоголя «Мертвые души». Восприятие и осмысление сада как культурного архетипа познается через анализ семантики его стиля и ключевых функций; постижения символики флористического